

М. Г. Павловец

«КОНКРЕЦИИ» АЛЕКСАНДРА КОНДРАТОВА КАК ОПЫТ РУССКОГО КОНКРЕТИЗМА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

«Проектирование» полного собрания собственных сочинений — важная часть оригинального творчества ленинградского поэта-неофутуриста Александра Кондратова. Один из проспектов будущего собрания — «Мои троицы» — позволяет попытаться реконструировать так и не осуществленный в полной мере замысел поэта по созданию тома конкретистских текстов «Конкреции». По-видимому, эти тексты должны были продемонстрировать всю парадигму известных Кондратову на тот период приемов и форм этого направления в экспериментальной поэзии. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: алеаторика, Александр Кондратов, дадаизм, конкретизм, неофутуризм, неподцензурная поэзия, нулевой текст, пермутация, пустотный текст, фаунд поэтри (found poetry).

“THE CONCRETIONS” BY ALEKSANDER KONDRATOV AS AN EXPERIMENT IN RUSSIAN CONCRETISM

M. G. Pavlovets

National Research University “Higher School of Economics”, 20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 100100, Russian Federation

“Designing” the complete works of his own is an important part of Aleksander Kondratov’s creations, a neofuturist poet from Leningrad. One of the prospects of his future collection, “My Trinities” makes it possible to restore the poet’s concept to create “The Concretions”, a volume of concretist texts, which has not been fully implemented. These texts were obviously aimed at the demonstration of the whole paradigm of devices and forms of this trend of experimental poetry that Kondratov knew at the time. Refs 7.

Keywords: Aleatory works, Aleksander Kondratov, dadaism, concretism, neofuturism, uncensored poetry, zero text, permutation, hollow text, found poetry.

Как генетические, так и типологические связи русской неподцензурной литературы 2-й половины XX в. с европейским конкретизмом, прежде всего немецкоязычным, могут стать темой отдельного научного исследования. Первые же, еще отрывочные сведения об этом направлении в западном искусстве, разными путями проникшие за железный занавес, привлекали не только тем, что служили своего рода «воздухом свободы» для неофициальных художников, но и тем, что позволяли им обнаружить: очень многое делалось по обе стороны этого занавеса синхронно, независимо друг от друга, а значит, русская культура в своем неподцензурном изводе по-прежнему является частью общемировой и развивается по сходной логике (см.: [1]).

«Конкреции» — так должен был называться четвертый том полного собрания сочинений ленинградского поэта-неофутуриста, причисляемого обычно к «филологической школе» неподцензурной поэзии, Александра Кондратова (1937–1993). О замысле этого собрания (в полной мере неосуществленном) автор рассказывал в тексте, опубликованном К. К. Кузьминским в первом томе его поэтической антологии «У Голубой лагуны» под названием «Мои троицы»:

том «КОНКРЕЦИИ» (1000 штук)

ОСОБЫЙ (IV-Й) ТОМ 1960–1980.

книга 1: Избранное (бреды), «Документация», «Учебник русского языка».

книга 2: «Плантиции», «Графемы», «Фонемы».

книга 3: «Выход к нулю» — «От нуля к нулю» — «Нули»

«ПРОГРАММЫ» (книга 4) — 100 программ и 1000 текстов, порожденных этими программами с помощью ЭВМ

(5-й том — или, если не будет проведен эксперимент с ЭВМ, то как книга 4-го тома «КОНКРЕЦИИ») [2, с. 205].

«Конкреции» мыслились как собрание экспериментальных текстов автора: выше в «Моих троицах» Кондратов говорит о трех «поэтических ликах» своего творчества:

Три поэтических лика:

поэзия лирическая («Лам» — Путь) — поэзия сатирическая («Скирли») — поэзия экспериментальная («Пузыри» + «Конкреции» и «Программы») [2, с. 204].

Кроме того, мы располагаем машинописной редакцией этого проекта будущего собрания сочинений писателя, несущей на себе следы рукописной правки. В данном тексте рукой, по-видимому, самого Кондратова¹, указано, что «Конкреции» реализованы на 80%. Кондратов здесь различит свои сочинения не только по томам и книгам, но и по «флангам»: «левый фланг» (1952–1977), «центр» (1954–1984), «правый фланг» (1955–1980) и «эксперименты» (1960–1980)².

Уже тут можно заметить первое существенное расхождение двух планов: в начале «троиц» автор причислял книгу «Пузыри» вместе с «Конкрециями» к «экспериментальному лику» своего творчества, тогда как в подробной росписи состава книг на следующих страницах «Пузыри» оказываются на «левом фланге», «Программы» там не обнаруживаются вовсе, а сами «Конкреции» оказываются в отдельном разделе, находящемся за пределами триады «левый фланг — центр — правый фланг»:

«Эксперименты» (1960–1980)

«Конкреции» (1000 штук).

Кроме того, в начале «Моих троиц» том «Конкреции» назван «Особым (IV) томом», и хотя он примыкает к первым трем томам «Стихов», но определить стиховую или прозаическую природу целого ряда входящих в них опусов бывает крайне затруднительно, так как они состоят из коротких, уместяющихся в пределах строки

¹ Записи мы с большой (но не окончательной) степенью уверенности атрибутируем самому А. М. Кондратову. Они сделаны черными и цветными чернилами; черными внесена авторская правка в машинопись, по тексту расставлены датировки планируемых частей книги, помечена степень реализованности замысла в процентах и дан поясняющий текст: «Ниже следующий план Собр-я соч-й: / Кое-что в нём лишь проекты (не было завершено, / или вообще было только задумано — %% — насколько / Выполнено к концу 1975 г.». Следом галочки цветными чернилами и пояснение: «V — то, что здесь есть <синими чернилами — М. П.> / V — то, что имелось и было / потеряно <красными чернилами — М. П.>».

² Благодарим Илью Кукуя за возможность ознакомиться с этим текстом из Собрания творческих материалов А. М. Кондратова в составе фонда А. Л. Хвостенко (ф. 01-231) Исторического архива при Исследовательском центре изучения Восточной Европы (Университет Бремен, Германия), а также за ряд ценных соображений по поводу нашей работы.

фраз (особенно это касается разного рода перечней, списков, описей и т. п.), так что и сам Кондратов предпочитает считать их в «штуках» («1000 штук»).

План, судя по рукописному пояснению на машинописи, готовился не позже 1975 г. («Выполнено к концу 1975 г.»): таким образом, датировки книг носят проективный характер, о чем косвенно свидетельствует и «круглое» число лет, отпущенное на их завершение: на оба «фланга» отводится по 25 лет («левый фланг» — 1952–1977; «правый фланг» — 1955–1980), «эксперименты» планируется завершить за 20 лет (1960–1980), а «центр» заполнить за 40 лет (1954–1984).

Вообще следует отдельно упомянуть пристрастие Кондратова к нумерологии, символике числа и круглым числам как таковым. Первое место среди его любимых чисел занимает, видимо, число 3, но немногим меньшее значение играет у него и 4. Так, «Конкреции», по замыслу автора, либо входят в 4-й поэтический том собрания сочинений (если, конечно, не будет 5-го, сгенерированного при помощи компьютера), либо сами являются этим 4-м томом «Эксперименты»; состоят они, напомним, из 3 книг, каждая из которых, в свою очередь, делится на 3 раздела:

книга 1: Избранное (бреды), «Документация», «Учебник русского языка».

книга 2: «Плантации», «Графемы», «Фонемы».

книга 3: «Выход к нулю» — «От нуля к нулю» — «Нули» [2, с. 205].

Из этих 9 разделов среди бумаг Кондратова нами не обнаружен пока всего один сборник — «Графемы», который должен был занимать центральное место во второй книге (между «Плантациями» и «Фонемами») и во всем томе «Конкреций». По-видимому, замысел «Графем» связан с опытами так называемой визуальной поэзии — по контрасту с поэзией аудиальной, звуковой, образцы которой представлены в сборнике «Фонемы». Следует заметить, что в наследии Кондратова, по сравнению с его фонетическими экспериментами, не так уж и много текстов с актуализированной визуальностью, за исключением разве что текстов «пустотных». Первый же сборник второго тома — «Плантации», в отличие от остальных образующих «Конкреции», состоит из нескольких разделов, каждый из которых вполне может быть представлен как отдельная книга.

О замысле книги «Плантации» можно судить по ее черновому плану «Плантации. 1966–1988» (ОР РНБ. Ф. 1438. Ед. хр. 83 Л. 88 об.)³.

Плантации (состав):

1. Промежутки
2. Первый посев
3. Списки
4. Предписания, уставы, циркуляры
5. Документы к собранию сочинений
6. Выход к нулю

Тут интересно, что Кондратов допускал возможность включить в «Плантации» такие книги, как трехчастный «Выход к нулю», рассматривавшийся, если следовать

³ В дальнейшем все ссылки на материалы Фонда 1438 рукописного собрания РНБ будут даваться в круглых скобках после цитаты с указанием только единицы хранения и листа.

«Моим троицам», и в качестве самостоятельного раздела третьей части «Конкреций». С другой стороны, в архиве Кондратова в ОР РНБ сборники «Избранное (бреды)», «Документация», «Учебник русского языка» (упоминавшиеся в «Моих троицах» в качестве составных частей первого тома «Конкреций») первой частью своего заголовка имеют название «Плантации» (а их собственные названия в таком случае выступают в качестве подзаголовка)!

Можно предположить, что понятие «плантации» в каком-то смысле является окказиональным синонимом слову «конкреции» в поэтическом словаре Александра Кондратова, а сама книга «Плантации» — основой всего замысла «Конкреций», в полной мере не осуществленного. Кроме того, среди черновых материалов «Плантаций» находится фрагмент «VI. ПЛАНТАЦИИ», который можно считать своего рода авторским предисловием или пояснением к книге. Ключевой тезис этого фрагмента — натурализация Кондратовым всей его книги через уподобление ее посевному полю, утверждение ее самогенерирующего характера, независимого от воли автора, который в таком случае выступает только в качестве инициатора текстов, но не их творца, что депсихологизирует тексты, обосновывает их автономный характер:

Я не претендую на выражение, на самовыражение. Это — плантации букв. Иногда мне кажется, что только начинается настоящее творчество, ситуация не описывается знаком, а знаки, в их множестве, порождают ситуации, которые были, есть, могут быть, никогда не могут быть, нереализуемы, невообразимы, — число состояний знаков превосходит число состояний вселенной: знаки свободны, не связаны другой причинностью, кроме причинности системы — систему знаков устанавливает их творец. (Кто? Я?)

Быть может, это новый жанр — словопись. Быть может — неевклидова литература. Быть может, что-то другое. Я не знаю. Я выращиваю плантации — плантации черных букв (Ед. хр. 83. Л. 74–75).

За утверждением способности даже произвольных знаков и их комбинаций генерировать смысл стоит уже довольно почтенная традиция — от самовитого слова футуристов и дадаистской алеаторики и до конкретистской идеи «конкретного слова», освобожденного от смысловой связи и выступающего в своей вещественности. Хлебникова и кубофутуристов в качестве своих «дедов» Кондратов упоминает в «Моих «троицах» в пункте «Три ступени генеалогии» [2, с. 204], о группе же «дада» в «Финали» — программном тексте книги «Скворечник» пишет: «Дада — мой дядя, не итог» (Ед. хр. 125. Л. 13), а также посвящает этой группе ГРАНЬ 1: НОММАGE A DADA из цикла «Классический октаэдр» раздела «Плантаций» «Поэмы и др.» (Ед. хр. 83. Л. 10). Очевидно, такая двойная генеалогия обыгрывает известную формалистическую концепцию литературного наследования не от отца к сыну, а «от деда к внуку» [3, с. 553] или «от дяди к племяннику» [4, с. 120–121]. Но само название тома — «Конкреции» вписывает поиски автора в контекст европейского конкретизма, расцвет которого как раз приходится на рубеж 1950-х — начало 1960-х годов, т. е. время начала работы самого Кондратова над текстами для этого тома. Основной метод собственной работы со словами автор при этом определяет как своего рода словесный ready-made, или скорее found poetry:

Дамы и господа! Тексты, представляемые в книге «Плантации», являются плантациями. Только и всего, ничем иным, ничем больше и ничем меньше. Я не оправдываю

их. И не оправдываюсь. Я только констатирую факты, известные вам, господа судьи, но во многом неизвестные собравшимся здесь. Столь высокое общество заслуживало бы большего внимания, господин обвинитель; вы напрасно не разъяснили суть дела посторонним лицам, зрителям. Они должны понять существо происходящего — существо, а не комедию, которую вы пытаетесь здесь разыграть, цитируя железнодорожные расписания или тексты этикеток, приведенные мною в «Собрании (моих же!) сочинений». Да, не я их сочинял, этикетки — и железнодорожные расписания. Но я включил их в систему, поймите. Я сделал их фактом, если хотите, поэзии. Эффект включения, рамы (Ед. хр. 83. Л. 75).

Впрочем, приемы found poetry — эстетизации речевых феноменов изначально внеэстетической природы путем их контекстуализации внутри художественного целого — далеко не единственные и не ведущие в томе «Конкреций». Арсенал художественных средств здесь очевидно ориентирован на опыт европейского конкретизма. Так, первый раздел первой книги «Избранное (бреды)» состоит из прозаических текстов малого объема, чья структурная целостность подвергается деструкции на различных уровнях — от уровня сюжета (причинно-следственной упорядоченности и завершенности) и до уровня грамматики (в этом смысле особенно показателен цикл «Афазии в прозе», стилизующий различные речевые отклонения).

АФАЗИЯ–I. ПВРОСТО

Пвросто был так: был он.
(Нее это невссе ттак уж пвростом)
Пвросто было пвросто — и все так.
Как бы бы, это ни то, не было было, только пвросто пвросто
Пвросто было в так в было (Ед. хр. 73. Л. 14).

Кондратов активно прибегает к характернейшему для конкретной поэзии приему, который Гаральд Гартунг (Harald Hartung) называет «комбинаторной техникой пермутации, т. е. закономерного или произвольного обмена или преобразования данных элементов» [5, с. 43], — тасования некоторого ограниченного набора слово-сочетаний или слов, как правило, грамматически не связанных, или же их фрагментов (морфем и отдельных букв)

Впрочем, этот раздел «Конкреций» — далеко не самый радикальный по степени манипулирования овеществленными словами в конкретистском духе, так же как и соседствующие с ним разделы «Документация» и «Учебник русского языка». Большая часть опусов, образовавших собою раздел «Документация» (напомним, в ОР РНБ этот раздел называется «Плантации. Документации»), — как документальные, так и псевдодокументальные тексты, распределенные по циклам, названия которых говорят сами за себя: «Личное дело», «Документы к полному собранию сочинений», «Чужие тексты (из чужих бумаг)», «Заявления, просьбы, ходатайства», «Описи и др.», «Справки и пр.». Что же касается «Учебника русского языка» (наиболее полный его вариант представлен в ОР РНБ (Ед. хр. 158); его гораздо более короткая редакция в фонде Михаила Красильникова Гуверовского архива называется «Части речи» [6]⁴), то в нем также преобладают опыты авторского усечения, «склеивания», разрыва или

⁴ Благодарим Ю. М. Валиеву за предоставленную нам возможность ознакомиться с материалами этого архива.

сдвига словоформ, являющихся излюбленным приемом деструкции словесного материала в поэзии ряда конкретистов, например австрийца Эрнста Яндля:

ФОНЮЧКИ

Ю — у — й — йу...

Ч, Ш, Щ, Ц...

Ню. Пню. Дню. Вню.

(Ед. хр. 158. Л. 48об.).

Причем в данном цикле Кондратовым найден довольно оригинальный прием опредмечивания слова и освобождения его от семантики — через стилизацию упражнений по русскому языку. По мнению Юлии Валиевой, «название сборника [“Части речи”] отсылает к соответствующему разделу учебника грамматики русского языка, темой же миниатюр являются морфологические, словообразовательные особенности частей речи (существительного, прилагательного, глагола, причастия, местоимения, наречия, предлогов, частиц). Кондратов использует лингвистические модели в качестве приемов построения текста, композиционной схемы, механизма развития сюжета» [7]. Добавим к сказанному, что схожим образом Кондратов работает в «Учебнике русского языка» и с фонетическим, и деривационным, и синтаксическим уровнями языка, что требует отдельного обстоятельного разговора.

Вторая книга «Конкреций», как уже было нами замечено, носит менее законченный характер — не только по причине отсутствия раздела «Графемы», но и потому, что первый ее раздел «Плантиции» структурно не завершен. За вычетом тех циклов в его составе, которые, по-видимому, должны попасть, согласно «Моим троицам», в раздел «Документация», а также составить третью книгу — «Выход к нулю», в этом разделе остается всего два цикла — «Промежутки» и «Первый посев», черновые варианты которых мы обнаруживаем в ОР РНБ. Кроме того, там же есть и небольшой цикл «Постплантиции» — тоже, в основном, носящий черновой характер: в нем можно обнаружить опыты мультиплицирования отдельного слова, иногда с его одновременным расчленением на буквы и морфемы (квазиморфемы), — излюбленный прием поэтов-конкретистов, например Ойгена Гомрингера:

РАСЧЛЕНЕНИЕ

И-ванов Ив-анов Ива-нов Иван-ов

И-ванов И-в-анов И-в-а-нов И-в-а-

н-ов И-в-а-н-о-в Ив-ан-ов Иванов!

(из серии «ИВАНОВ. Ономастическая сюита» (Ед. хр. 83. Л. 22)).

Вообще композиционная логика всего тома «Конкреций», как можно понять, — это логика редукционистская: если тексты, составившие первые из книг тома, в большей своей части носят развернутый характер и сохраняют большую часть связанных элементов, которые подвергаются деструкции лишь на определенных уровнях, то чем ближе к финалу книги, тем эти тексты носят все менее внятный характер, а процесс деструкции захватывает все большее число структурных уровней. Мы не можем охарактеризовать книгу «Графемы» по причине ее отсутствия, но опусы, составившие книгу «Фонемы», — типичный пример авангардистской деструкции предложений, словосочетаний, слов, морфем — любых смысловых единиц текста, сохраняющего в наиболее радикальных формах фоническую оболочку:

ЧЕТВЕРТОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

йййй-ммма!
кххт-уу!
П'
п'
п'
п'!

(Ед. хр. 102. Л. 4)

Наконец, книга 3 «Конкреций» — «Выход к нулю» — «От нуля к нулю» — «Нули» есть уже результат последовательной аннигиляции художественной формы, сведения текста через его предельную минимализацию к пустотности и — далее к «нулю форм» (К. Малевич).

Интересно, что та же логика поступательного обнуления текста в книге обнаруживается нами и в ряде других книг Александра Кондратова:

- буддийской «Ом Ах: Хум! Ом!» (Ед. хр. 104), содержащей большое количество пустотных и «нулевых» текстов;
- экспериментальной по своему духу книге «Скворечник», в некоторых своих вариантах замыкающей программным текстом «Финаль» (Ед. хр. 125. Л. 13) из цикла «Форум форм», который, в свою очередь завершается тематизированием и визуализированием пустоты «абсолютного нуля»;
- цикле «Алальки (стихофазия)» из книги «Оэзия», в котором автор дает образцы текстов, созданных как бы «при помощи» различных речевых отклонений, завершая их ряд «нулевым» текстом «Тотальная афазия» (Ед. хр. 69. Л. 8) и стихотворением с пустотностью «Ликвидация поэзии» (Ед. хр. 69. Л. 8об.).
- и даже в определенном смысле в книге «История русской литературы», ближе к концу которой нарастает количество пустотных и нулевых текстов, свидетельствующих о физическом уничтожении или нереализованности доброй части отечественной литературы: «Окончание второго тома “Мертвых душ”» (Ед. хр. 131. Л. 4); «Ненаписанные стихи расстрелянного Гумилева» (Ед. хр. 131. Л. 52), «Неисполненные замыслы Олеси» (Ед. хр. 131. Л. 59) и т. п.

Итак, поэтические опыты Александра Кондратова, нередко пародийные по отношению к их претекстам, но не к самой попытке создания такого рода авангардистского «тотального объекта», как реализация замысла «Моих троicc», безусловно и всерьез претендуют на создание «самоценного эстетического объекта». На одном полюсе своих экспериментов поэт активно разрабатывал различные варианты «литературы формальных ограничений» (комбинаторной поэтики), доводя до возможного предела степень вводимых при генерировании художественного текста ограничений и нащупывая ту грань, за которой данный текст, подчиняясь все большему количеству формальных правил, утрачивает наконец полностью свою эстетическую значимость, т. е. выходит за рамки собственно искусства в смежные сферы, к примеру научного эксперимента или словесных экзерсисов. На другом же полюсе Кондратов осуществляет поиски в ином направлении, пытаясь исчерпать парадигму возможных минимализаций художественной формы — вплоть до ее (почти) полного обнуления, с тем чтобы художественно обозначить и осмыслить место перехода через «нуль форм», который отделяет пространство эстетического от внеэстетическо-

го не как точку, но как черту, границу с некоторым набором «пограничных пунктов» этого перехода (в идеале — набором полным).

Замысел тома «Конкретий» — лишь часть этого глобального замысла поэта, та часть его творческого наследия, которая продолжает футуристическо-дадаистские опыты по овеществлению словесного знака в соотношении их с генетически и типологически родственными экзерсисами европейского конкретизма. По сути дела, Кондратов попытался в одиночку, не создавая группы, реализовать на русской почве конкретистские устремления, продемонстрировать (если не исчерпать) всю парадигму известных ему на тот период приемов и форм этого направления в экспериментальной поэзии. Сама незавершенность данного глобального проекта говорит за себя, но в оправдание поэта можно вспомнить любимые слова его приятеля и корреспондента Иосифа Бродского: «Главное — это величие замысла».

Литература

1. Павловец М. Творчество Генриха Сапгира и поэзия конкретизма: от типологического схождения к творческому освоению // Русистика и компаративистика: Сборник научных статей. Вып. VIII. Вильнюс; Москва: Educologija, 2013. С. 79–90.
2. У Голубой лагуны: Антология новейшей русской поэзии. Т. 1 / сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. М.: Культурный слой, 2006. 538 с.
3. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 596 с.
4. Шкловский В. Б. Розанов (1921) // Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1991. С. 120–138.
5. Hartung H. Experimentelle Literatur und Konkrete Poesie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. 117 S.
6. Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Box 3, folder 5.
7. Валиева Ю. Быть — бить — бит (тетрадь по русскому языку как порождающая модель) // Russian literature. (в печати)

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Павловец Михаил Георгиевич — кандидат филологических наук, доцент; pavlovez@mail.ru
Pavlovets Mikhail G. — Candidate of Philology, Associate Professor; pavlovez@mail.ru